

ИГОРЬ ЛЕВИН

ПОЛВЕКА ПОЗАДИ...

СТИХИ

2018

Игорь Левин
Полвека позади. Стихи

«Издательские решения»

Левин И.

Полвека позади. Стихи / И. Левин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908945-8

Шестой сборник стихов Игоря Левина «Полвека позади» представляет собой собрание избранных лирических произведений — и новых, и воспроизведённых из всех ранее издававшихся поэтических сборников автора, его творческий отчёт, приуроченный к знаковому юбилею.

ISBN 978-5-44-908945-8

© Левин И.
© Издательские решения

Содержание

Полвека позади... / белое	7
Полвека позади... / чёрное	8
Из сборника «Цветок в окне» (1998)	9
«Там, где суровые магнаты...»	9
«Меня слепит улыбка Феба...»	10
Человек, порождённый геенной	11
«Не душите ночную звезду...»	12
«Белые тени на город легли...»	13
Армейский мотив	14
«Мне снился сон...»	16
Екклесиаст	17
«Исчезла боль, и онемели руки...»	18
«Зов, раскатившийся вдали, ...»	19
Ответ	20
Цветок в окне	21
«Мне сегодня снились...»	22
Орфей и Эвридика	23
«Над сонными полночными мечтами...»	27
«Пустота...»	28
Крест	29
Не бойся, друг	30
Башня синих лошадей	31
Волна	32
«Пусть в три погибели...»	33
Глас вопиющего в пустыне	34
Раздвоение	35
Все против	37
Неужели так же вечно?	38
«Если спросят тебя...»	39
«Мир зеркален...»	40
«Шпиль банка...»	41
«Придите, тени, образы и сны...»	42
Агасфер	43
Стена	45
«Я подошёл к разомкнутой черте...»	46
Верь мне!	47
Мера	48
Апокалипсис	49
Моление о чаше	51
Радиоактивные дожди	52
«Желчь дребезжащих звуков...»	53
«Который раз я с болью замечаю...»	54
Гиперболический день	55
«Я оседлаю рыжехвостого кентавра...»	56
Толпа	57
Будь выше!	58

Зима	59
«Бликуя беспрестанно отраженье...»	60
«В жемчужной выси ангел светел...»	61
Депрессия	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Полвека позади Стихи

Игорь Левин

Дизайнер обложки Игорь Левин

© Игорь Левин, 2018

© Игорь Левин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-8945-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Полвека позади... / белое

Полвека позади, полмира на ладони
В охвате панорамном сквозь года.
Где звёздные дожди взрезали склоны,
Разъела мантию прогорклая вода.

Огарки чувств я собирал устало.
Глохидии топча, жемчужины промял.
А память то питала, то пытала,
То распинала меж точёных скал.

Я огненной водой сушил земную сушу.
Арктическую стынь льдом талым согревал.
И в путанном пути вдохнул я в небыль душу,
И аленький цветок в пустыне я сорвал.

Ох, неспроста приснилась в платье белом
Та, что со мною разделила кров.
Необходимо, чтоб земля юнела
И обновляла выцветший покров...

2017 г.

Полвека позади... / чёрное

Полвека позади, пол-опыта наружу...
Что смог понять, не солоно хлебнув?
И почему взамен каймы жемчужной
В фольге зеркал заметил кривизну?

И как не усмотрел подмены стражи,
Измены блеск в восторженных глазах?
Не разглядел, что был корабль бумажным,
Пронёсшийся на алых парусах?

Как взял поводырём судьбу слепую,
А чёрный ворон вещуном мне стал?
Как мог поверить, что тропу худую
Не занесёт широкий буревал?

До дна двойного не добрался в смыслах —
Хрусталь с горы я под топор кидал.
И только стал внимательнее к числам,
Когда себе полвека насчитал.

2018 г.

Из сборника «Цветок в окне» (1998)

«Там, где суровые магнаты...»

Там, где суровые магнаты
Сжимают времени расплавленный свинец,
Где льются звуки Аппассионаты,
Дробясь о жернова рубиновых сердец,

Где амальгамою раздумий беспокойных
Покрыты зеркала крадучих вещей снов,
Где меж утракою и близорукой новью
Ещё не сплетено сквознограничных швов,

Там, где вдыхают листопалые туманы,
И где карминовый разлит повсюду свет,
Мечтаний парафиновые страны
Ещё не жег фитиль фатальных бед.

Где нет ни бури, ни слащавого покоя,
А есть прозренья ярkokрылый вечный миг,
Где млечный океан широкою стопою
Покрыл столетий перистый родник,

Там не верны земные сроки,
И дверь столетий открывают не стучась,
Слагают песнь Любви великие пророки,
В хитон серебристый монолитно облачась.

Там, где стихии духа воплощенье,
И лика Истины священной внятна суть,
Где паутиной зыбкою у пандуса Вселенной
Извилистый и шаткий мой проложен путь.

1986 г.

«Меня слепит улыбка Феба...»

Меня слепит улыбка Феба,
Мир стёрся в золотой струне.
Я не восстану против неба,
Вос-станет же оно во мне.

1983 г.

Человек, порождённый геенной

Тучи пепла чернильной пеной
Над смолистой нависли землёй.
Человек, порождённый геенной
Вновь стоит предо мной,
Вновь стоит предо мной.

Колким звоном в зените томленья,
Кругом скверны змеиных кольчуг
Возникает зловещее пенье,
Предрекая печалей недуг.

Я прогрыз манускриптов тирады,
Чтоб разрушить порочную связь,
Но едва ли кромешного ада
Мне осилить прогорклую бязь.

Он отрыжка унылых сомнений,
Хобот страха, рептилия тин.
Человек, порождённый геенной,
Вновь стоит у меня на пути,
Вновь стоит у меня на пути.

И лукавая искра злорадства
Проскользнула с лимонных зениц,
Этот облик враждебного царства
Различу я из тысячи лиц.

Тени впаяны жжёной сиеной
И кривая усмешка у губ.
Человек, порождённый геенной, —
Мост угрозы, кладбищенский сруб.

Плесень мысли – источник гниений.
Дух, ниспосланный чёрной звездой —
Человек, порождённый геенной,
Вновь стоит предо мной,
Вновь стоит предо мной.

1986 г.

«Не души́те ночную звезду...»

Не души́те ночную звезду
Ворсистым боа узлом;
Пощадите немую мечту,
Затаённую за углом.

Не касайтесь струнных лучей
Плетью лучистых струн.
Не кружите земли карусель,
Не души́те ночную звезду.

1989 г.

«Белые тени на город легли...»

Белые тени на город легли,
Белые тени в сиплой пыли,
Белые тени в разрывах домов —
Белые тени ночных облаков.

1991 г.

Армейский мотив

Хлёсткой ногою
 в ногу шагай,
Глоткой горланя,
 песнь запевай.
Кирзовой копотью камень чеканя,
Хаки х.-б., нахлобучив комками,
Выпятив грудь,
 подбородок – вперёд.
Кто из вас кто —
 хрен разберёт!
Хочешь – живи,
 а не можешь – умри!
Раз, раз, раз, два, три.
Раз, раз, раз, два, три.
Раз, раз, раз, два, три.

Чиста подшива,
 в желудке – чад.
Много ль вам надо,
 стадо из стад?!

Рты на замках,
 ноздри – в пятак...
Эй, под-тя-нись, мать твою так!
Вот ты шагаешь,
 скученный сброд.
Эй, направляющий,
 чётче счёт!
Хочешь – живи,
 а не можешь – умри!
Раз, раз, раз, два, три.
Раз, раз, раз, два, три.
Раз, раз, раз, два, три.

Вбок – не вались,
 вверх не взгляни —
Стянут дыханье
 тугие ремни!
Стянут – раздавят, клыки показав,
Серой удавкой грузных казарм!
Липкою слизью
 пот по лицу,
Ритмами марша
 пляши на плацу!
Хочешь – живи,
 а не можешь – умри!

Раз, раз, раз, два, три.

Раз, раз, раз, два, три.

Раз, раз, раз, два, три.

Прямо!

Раз, два, три.

Прямо!

Раз, два, три.

Прямо!!!

1988 г.

«Мне снился сон...»

Мне снился сон,
Болезненный, как время,
В котором лишь безвременья печать.
Казалось мне:
По замку я старинному блуждаю...
Ни выхода, ни входа, только
Глубина пространных коридоров,
Бегущих в стрельчатых нервюрах.
По стенам тараканы разметались шустро.
Какой-то запах едкий и вонючий
Стоял в пустых гостиных...
Мне стало душно.
Выход я искал, но тщетно.
Так и остался здесь, тоскуя
По небу и по дому своему,
Убаюканный шёпотом вялых секвенций.

1992 г.

Екклесиаст

Как надоела
 Суета сует...
Нелепая людская канитель...
Формальных прав
 чернильный вязкий пласт,
В котором все мы
 безнадёжно погрязаем...
Ты прав —
 царь средь философов,
 философ средь царей.
Воистину ты прав,
 ЕККЛЕСИАСТ!

1992 г.

«Исчезла боль, и онемели руки...»

Исчезла боль, и онемели руки,
Свинцовым обручем обвита голова.
Натянуты времён тугие луки,
Стрел наконецник – колкая молва.

Хочу взлететь – но тяжесть давит плечи,
Хочу мечтать – но в думах только смрад.
Любить хочу! – Любимая далече,
И суетен словесный перепад.

Я думал побороть сомненья и страданье,
Но слишком мало шансов на успех.
Лелеял я в душе великое создание —
А в мыслях не узрел решающих прорех.

Тогда о смерти думал я...
Но тщетны помышленья,
Коль естеством им сбыться не дано.

О, властелин судеб!
Нет силы для рыданья,
И не огонь в крови – прокисшее вино

1992 г.

«Зов, раскатившийся вдали, ...»

Зов, раскатившийся вдали, —
Плеть одиноких струн.
Невод в ночной пыли —
Кратер стальных лун.
Холоден вёрст кряж,
Навзничь упал луч.
Смерч поднял мятеж
Ключьями сизых туч.
Господи! Что я вижу?!
Дым валит без огня.
Та, кто мне всех ближе,
Дальше всех от меня.
Ввысь гулких дней рапира —
Кровь на литой строке.
Имя черчу «Ира»
Финкой на каблуке.
Только я за ограду —
Беды за мной – прыг.
Вместо воды – ладан,
Вместо души – крик.
Скрипка звучит тише.
Не повезло, что ж...
А за спиной слышу
Хохот холёных рож.
Сердце тоска гложет,
Радуга дум – прочь.
Повремени, Боже,
Кару свою отсрочь...
Зов, раскатившийся вдали, —
Ливнем кроит дёрн.
Глушит все корабли
Водоворот – горн.

1993 г.

Ответ

Судеб не ведая секрет,
Событий ход не тороплю.
Пусть краток будет мой ответ:
Года любил, всегда – люблю.

1993 г.

Цветок в окне

Цветок в окне —
 в сквозной зенице зданья,
Цветок в окне —
 гарпун в воде познания,
Цветок в окне —
 узор в декоре звонком,
Цветок в окне —
 знак отдалённым гонгом.
Цветок в окне
 возник зонтом кровавым,
Цветок в окне —
 на улиц карнавале.
Цветок в окне,
 тугой струной в огне,
Цветок в окне
 один звучит во мне.

1995 г.

«Мне сегодня снились...»

Мне сегодня снились
Голубые розы,
Голубые розы на синей траве.
В амбровых просторах
Отзвучали грозы,
Трепетные грозы в моросистой мгле.
Вижу: холм дородный,
В небо храп метая,
К уху прижимает золочёный диск.
А у изголовья —
Самого у края,
У крутого края чёрный обелиск.

1995 г.

Орфей и Эвридика

«Мне страшен мир, в котором нет тебя».
В. Шекспир

Отторжен пласт земной от родниковой жилы
Чарующих амброзий олимпийских гор,
И в Лету канули софоклы и эсхилы,
Но не сметён преданья эллинов
Магический узор...

Сколько лет пролетело
Напрасно, никчемно и дико;
Сколько сердце впитало
Печалей, сомнений, надежд...
Как осколок ярчайшей звезды,
Образ твой, Эвридика,
Сохранил я в секрете
От заносчивых глупеньких нимф
И чванливых Олимпа невежд.

Как случилось, что вдруг разомкнулась
Двух миров глухая препона?
И следы оборвались,
И путь преградил мне
Свирепый и злобный Танат.
И в безумной агонии спутались мысли,
Как поводья в руках Фаэтона,
И у ног твоих вился ядовитой змеи
Тонкий скользкий канат.

Мне всегда был твой лик
Грёз волшебных дыханьем,
Цветом ауры солнца,
Звуком песен космических сфер.
Только так повелось,
Что слепая Фемида
Заправляет несчётных веков мирозданьем.
И всем судьбам преграда —
Грубых весов укреплённый репер.

Не щадя ни богов, ни людей
Пробиралась посланница Рока,
Чтоб смутить поскорей
Просветлённых иллюзий
Тончайший наплыв.
Небеса леденели и титаны дрожали,

Наделённые слухом пророка,
Ожидая ударов судьбы
Средоточенный взрыв.

Но остался же в памяти миг,
Когда солнце палило
Чешуёю крапивной.
А улыбка твоя всё ж светлее
Властительных солнца лучей.
Как промчался «Арго»
Между Сциллой – Харибдой,
Сошлись взгляды двух незнакомцев
В стремительном беге очей.

Я бродил средь заклятого зелья
Зыбких скал – слитков льда
И горячих созвездий,
Перепутав неловко
Чужие мечты со своими.
Я спаял миражи в струнный звон,
Что колеблет галактик огневые рога.
И тогда я воззвал к Аполлону:
«Назови, покровитель, заветное имя!».

Твоё имя начертала мне Эос,
Кучевые скрестив в небесах облака.
И деревья шумели,
Изгибаясь в прохладном волнении Астрея.
Пуншем хвойных растений
Был серебристый эфир напоён.
Почему ж без стеснения и без позволения
Я вошёл в чужой бред,
Чужой сон, чужой стон?

Не сумев хладнокровно принять
Злорадной судьбы смертоносной отравы,
Я шагнул в отверстую пропасть,
Где нет ни дорог, ни преград.
В средокрестьи земли
Я разбил все земные октавы,
И рассыпал в дымящейся магме
Изумрудных созвучий
Лучезарно разящий гигантский каскад.

В самых грозных и жутких
Застенках Эреба,
В самых скользких
Подземных прогалах,
Сквозь сфумато загробных огней,

Я внимал только гласу
Златокудрого Феба,
И меня в добрый путь
Провожал Гименей.

А когда мои пальцы
Касались струн нежных кифары,
Воды Стикса мятежные
Мерно сходили на штиль.
Скорбный кормчий Харон,
Разгребая веслом
Мощных струй кипящие пары,
Перевёз меня в край, где сокрыт
Ушедших имен вековечный утиль.

Подошёл я вплотную
К блестящему трону.
Всколыхнулась рука,
Напрягая аккордов качели
В тоскливой и сумрачной песне моей.
«Оживи Эвридику!», – молили звенящие трели.
И слезами залились глаза Персефоны.
В зазеркальном портале
Содрогнулся престол властелина теней.

Был дарован мне шанс
Избежать приговор провиденья.
Ликовала душа,
Предвкушая счастливый исход.
Осознать ли тогда, сколько лет,
Помешавшись от запаха призрачных астр,
Позабыв обо всём, я гонялся за тенью.
Сколько дум и мучений
Вмещал каждый год!

Стал глотать я успеха
Хмельные бокалы.
Взять судьба в тот момент
Захотела реванш:
Был нарушен священный Аида запрет —
И смущённая взглядом живым
Тень меня не узнала.
И вернулась в тот мир, где рассыпан
Асфоделовых лилий сиреневый замш.

Побежал я за тенью
Вдоль острых камней
Глубоких и шатких уступов.
Вот я снова у Стикса,

И кифара разносит мучительный стон.
Долго звал я на помощь
Скупого на милость Харона.
Но не шёл на мой зов скорбный кормчий —
Смиренный и мудрый Харон.

И живу вновь безропотно
Я в Аркадских долинах.
И ладонь, как и прежде, сжимает
Семиструнной кифары хрупкие планки.
И унылых песен потока
Не услышать конца.
Но я знаю, в тот час,
Когда тело моё
В буйной оргии растерзают вакханки,
Безмолвием вечным элизиум свяжет
Разделённые суетной жизнью сердца.

1993 г.

«Над сонными полночными мечтами...»

Над сонными полночными мечтами
Чужие раздавались голоса.
Сплелись деревья воздуха браздами,
Распались горизонта пояса.

Кругом – пустынные виденья;
Хрустящий рёв машин, свет розовый звезды.
Мне грезятся разливные волненья;
Мир, создающий свежести плоды.

Вздых марга, гул забот тоскливых,
Каких-то властных сил крутой напор.
Раздумий потных грустные мотивы,
В груди – потуги творческой позор.

Портрет фаумский смотрит сквозь гирлянды,
И диск луны так ненавязчиво завис.
И запись старая откуда-то слышна:
Рахманинов играет «Вокализ».

Стук башмаков – горизонтальный шорох,
И дискотечный визг на этаже.
Проблем житейских бесконечный ворох,
Собрание ворон на краденой меже.

Не то ночной бедой, не то весенней сагой
Пахнёт от закоулков лопастей.
Ты, Красноярск, живёшь промозглой брагой
Твоих, как пламя адово, огней.

1993 г.

«Пустота...»

Пустота
невосполнимая,
Суета
неудержимая,
Обречённость
несразимая,
Безысходность
неделимая
И тоска
неумолимая.

1995 г.

Крест

Две плоскости сразились меж собой.
Одна застыла твердою землёй.
Другая вертикально вверх пошла
И поднебесный Дао родила.
Из четвертованных стихий, времён и мест
Роза ветров оборотилась в крест.

1995 г.

Не бойся, друг

Тебя ужалит сталь клинка —
Не бойся, друг, ты жив пока.
Расколет дух предательств меч —
Не бойся, друг, ты не в тюрьме.
У горла – анаконда-ложь —
Не бойся, друг, переживёшь.

1995 г.

Башня синих лошадей

На перекрёсток трёх ветров,
Где мхом укрыт галун,
Аллюром пёстрогривых снов
Лети, степной скакун.

В осоку чащ домчись, круша
Барьер клешни ветвей.
Взрастёт подковой радуга —
Индиго слёз елей.

И тут высокий видишь холм,
Где нет земных оков.
Плывёт табун на небосклон
Велюрной рябью облаков.

Сюда ты мчался, теребя
Хрусталь грибных дождей.
И вот новорождение дня,
Где башня синих лошадей,
Где башня синих лошадей.

Из-под кнута кирпичных штор
Сбежал ты, холку вздув.
Мир человеков – злой кондор,
Зажавший волю в клюв.

Беги от многозевных стен
Асфальтовых путей,
От жадных шелудивых мин
Тщедушненьких людей.

Сокройся от лоскутной лжи,
От сети городов,
Скорей спеши, стремглав спеши
В прохладу родников.

Где в перламутровой среде
Рассветный тонет парк,
Где башня синих лошадей,
Где башня синих лошадей,
Что написал Франц Марк.

1995 г.

Волна

волною погоняема,потугами расправилась,
Волна оскалилась.....гнусава и хрипя,
хвостом люминесцируя,харкаясь расточительно,
Вздохматившись отчаянно, ...лавиною направилась,
бурлящими, распалась;под бубен брызг прыгая,
Потоками вибрируя.....в агонии мучительной
павлинно затерялась...

1995 г.

«Пусть в три погибели...»

*«И если я упаду 99 раз,
я поднимусь в сотый».
В. Ван Гог*

Пусть в три погибели
Согнут – не сломлен!
Я стал сильнее и мудрее
Во сто крат.
Дороже всех существ,
Что возле, мне лишь
Один, который Над.
Тревожный свет сулит
Угрюмую аскезу, в висок
Втопырив бед курок.
Раз сорок в уши
Лили «Марсельезу» —
От мира старого
Отречься я не мог.

Как трудно мне
Играть словами,
Встреч и разлук на рубеже.
Зыбь исполинская цунами
Клокочет на моей душе.
Сомнений и хандры
Когда-то сброшу скверну,
Преодолев страх высоты.
Тогда
 помпезно,
 многолаво,
 мерно
Падут цветы Высокого модерна
На горизонт моей мечты.

1995 г.

Глас вопиющего в пустыне

«Стези сердец вы распрямите!
Я есмь светильник, Он же свет.
Грядёт Мессия-победитель,
Пред Ним вы держите ответ.
О, порождения ехидны!
Очнитесь, глупые тапиры,
Врасплох застанет Божий гнев!
Греха приняв обряд постыдный,
Не замечаете секиры,
Сокрытой у корней дерев», —
Народ учу я дни и ночи.
Но тут, с толпой смешавшись,
В очи лукаво смотрит сатана:
«Глас вопиющего в пустыне,
Бархан неколебимо стынет,
Что ты вещаешь племенам.
А знать желаешь свою участь?
Умрёшь красиво ты, не мучась.
Плод счастья сладок лишь в раю...
Гляди: красотка Саломея,
Блудливой поступью хмелея,
Подносит голову твою».

1995 г.

Раздвоение

Раздвоение снов,
раздвоенье времён.

Расслоение слова
на хохот и стон.

Распознавание нити
раздвоенных душ

Сквозь рассыпанный бисер
зачеканенных стуж,

Раздвоение мнений
на «против» и «за»

Паутиной сомнений
запорошит глаза.

Раздвоение – расщепление,
расплетение, разъединение.

Раздвоение действий —
отдай и хватай,

Раздвоение мыслей
на ад или рай.

Раздвоение – блеск
чугунных оков,

Полукрик-полутреск
лошадиных подков.

Раздвоенье дыханья
на выдох и вдох.

Растворенье гаданья
зеркальных штанов.

Раздвоение – расплетение,
расщепление, разъединение.

Раздвоение света
на север и юг,

Распряженье мечты
на твою и мою.

Раздвоение цвета
на холод и жар,

Разделение нот
на диез и бекар.

Где же ты, мой двойник,
мой астральный фантом?

Тяжелеет кадык
от раздвоенных дрём.

Раздвоение – разъединение,
расщепление, расплетение

1995 г.

Все против

Все против – ни один со мной
(оранжево хохочет летний зной,
и чайки растревожены у вод).
Всё к одному – спиною поворот.

Устал я по течению дрейфовать...
(цветных лугов просторная кровать
всё больше отливает желтизной...)
Все против – ни один со мной

1995 г.

Неужели так же вечно?

Неужели так же вечно —
Бег навстречу, стук сердечный?
Неужели тот же вечер —
Суетливо сер и клетчат?

Неужели тот же оттиск
На тревожно-мутном взоре?
Неужели та же роспись
Рыжих туч в эфирной торе?

Неужели так же вечно —
Столб бетонный – стержень мела?
Неужели та же песня —
Тот же к уху парабеллум?

Неужели тот же роздых
В типовых жилищ квартале,
Тот же вид и тот же воздух —
Тот же пых машинной гари.

Неужели так же вечно —
Толпы слиплись у прилавка,
Те ж плащи и те же плечи,
Та же ругань, та же давка.

Неужели тот же клёкот
Птичьих жалоб в поднебесье?
Неужели тот же цокот
Каблуков по ржавой жести?

Неужели так же вечно —
Бег навстречу, стук сердечный?
Неужели тот же вечер —
Суетливо сер и клетчат?

1995 г.

«Если спросят тебя...»

*«Мы никогда не изменяем:
Душа – одна, любовь – одна».
З. Гиппиус*

Если спросят тебя,
Как жить, не мечтая о счастье?
Скажи, что любовь дороже.

Если вновь говорят:
Человек над судьбой не властен.
Предначертана сердцем дорога.

Если слышишь в ответ:
– Наслажденье – цель жизни единой.
– С рожденья ищешь глубже причины,
И на день лишь везения след.

1995 г.

«Мир зеркален...»

Мир зеркален.
Посмотри: в перехлёсте отражений
Он изменится мгновенно.
Ну, а если лёгкий ветер
Хрупкой ткани снимет раму...
Что же будет, если с вещи
Соскоблит он амальгаму?

1995 г.

«Шпиль банка...»

Шпиль банка,
Прорезая лоск пространства,
Гранит узор
Гранитной карусели,
Насажанной на ось
Консервной банкой,
Всосав каркас
Пирамидальных елей.

Спиральный флюгер,
Разгребая ветра студень,
Чертя изгиб
Лазурной альвеолы,
К чертям сметает
Анфилады выюги
Шкалы витрин
Конструктивистской школы.

Лип пальцы,
Веер бликов рассыпая,
Пальпируют узлы
Атласных судеб,
Небесный атлас
Липово гадая,
На то, что было,
Будет, иль не будет.

1995 г.

«Придите, тени, образы и сны...»

*«В золотую песню верил —
а умер от солнечных стрел,
взглядом века измерил,
а жизнь прожить не сумел».*
А. Белый

Придите, тени, образы и сны;
Сорвите тусклой яви ставни!
Сломите жердь щемящей тишины,
Кисейным шёлком факелы расставив.
Пронзите мир лучистым сквозняком,
Напомнив детский страх и трепет.
Вдох наполняя илистым глотком,
Словосплетений оживляя лепет,
Рассыпьте традесканцевой лепниной
Гранёных грациозных поз,
Всплывите остроносой афалиной
В волнах фантазии и грёз.
Придите, тени; я вас ждал,
Уткнувшись в линий мягкие подушки
И, созерцая сердоликовый провал,
Сомкнувши век массивные ракушки.
Для вас хрупка серебряная нить,
Бегущая во след от колыбели.
Только одно хочу у вас спросить:
Увижу ли я свет в конце тоннеля?

1995 г.

Агасфер

*«Кто возвышает себя, тот унижен будет,
а кто унижает себя, тот возвысится».
Евангелие от Матфея*

Отверженных дорога не приемлет,
Отвергнутых зигзаг зари раздавит.
«Вечным жидом» далёких поколений
Твой, Агасфер, тревожный дух блуждает.
И кровь притоком оживляет память...
Перекрещены два креста распластаны:
Плебей упал с простёртыми руками,
Поверх – из досок деревянных расстланный.
На лестницы парадной балюстраду
Верблюд взирал с гримасой наплевательской,
С терновых игл струёю ярко-алой
Животворящий сок стекал предательски...

Прогнал ты рьяно вон того,
Кто, смертью смерть поправ,
Возвысился над бездной.
И свет брыкнул тебя, как слон,
Чертя параболой кессон —
Тоннель пустой стезями неизвестными.
Был свыше глас: «Встань и иди!
Богатство, роскошь – позади.
Другое солнце плазменно крадётся.
Хоть восемь бед – один ответ:
Коль веры и надежды нет,
Любовь лишь остаётся.

Встань и иди! Немудрено
Пройти весь мир, как полотно.
Бессмертие для смертного в новинку.
Оно ознобом оземь бьёт,
И градом шестислойный пот,
Оазис миражей – лиловой дымкой.
Встань и иди! Лакай простор;
С тобой – мытарство и позор,
Рассветный хлад и небо без улыбки,
А ты, зрачками въевшись в даль,
Терзаешь лунный календарь:
Не велика ль цена одной ошибки?
Встань и иди – без отдыха и снов.
Мир для тебя – бездомная пустыня.
Иди и знай, что из грехов

Всех тяжелей карается гордыня».

1995 г.

Стена

Стена над гравием —
Гранитная стена,
Резными гранями
Поверх рассечена.
Стена над городом —
Огромная стена,
Стоячим воротом
Размыла высь она.
Сквозь не пройти,
Не перепрыгнуть вскачь.
Стенанья за стеной,
А перед – плач.

1995 г.

«Я подошёл к разомкнутой черте...»

Я подошёл к разомкнутой черте.
Дискант ночей звучал нервозно,
И дирижабль-виолончель
Парила в небе грациозно.

Ковчег диагонально плыл
В пространстве родниковочистом —
Рисунок обозначен был
Проворной кистью жидким бистром.

Маяк решетчато мерцал,
Лицо лаская осторожно.
Подсолнух вкрадчиво шептал:
«Назад вернуться невозможно».

1995 г.

Верь мне!

Рассеку, как воск, скалу,
Смальтой высветив скулу.
Где ни сыщешь – верь мне!

Золотым дождём прольюсь,
В танце кровель растворюсь.
Где ни сыщешь – верь мне!

Звонким ветром взмою вдаль,
Затянув небес вуаль.
Где ни сыщешь – верь мне!

Вмиг мангустом обернусь,
На камнях растянусь.
Где ни сыщешь – верь мне!

Зацеплю судьбы лозу,
Кармы прут перегрызу.
Где ни сыщешь – верь мне!

В мир мечты взломаю дверь.
Умоляю, только верь.
Где ни сыщешь – верь мне!

1995 г.

Мера

Мера таланта – мечта,
Суть – мера слов,
Мера души – красота,
Мера поступков – рок.

Мера земли – твердь,
Тела мерило – прах,
Мера войны – смерть,
Мера сомнений – страх.

Путь – идущего мера,
Мера творимого – новь,
Мера живущего – вера,
Мера надежды – любовь.

1995 г.

Апокалипсис (причитания сатаны)

*«Низвержен клеветник братьев наших».
Откровение Иоанна Богослова*

Конверт перед тобою. Славно!
Ужель прикажешь мне молчать,
Когда перстом отвесным плавно
Седьмую снимешь ты печать?!
Нет, Агнец, мир кромсать негоже
На белый цвет и чёрный цвет.
Сосуществуем... Ну и что же?
Велось так миллионы лет.
Зачем нарушил равновесье,
Зачем ты хочешь разделить
Печаль и радость, шум и песню,
Грех и мечту, иглу и нить?
Конь бел и всадник с диадемой —
Твой вестник первым прискакал.
Твердь в потрохах, разжаты клеммы,
Громы вопят, эфир как вал.
А над землёю пролетают
Смерть, Голод и Война. Тут слышу:
Хиникс за динарий – хвалёная цена!
Тотчас собираю, что сгорело,
И отправляю в свой удел.
Зверь встал на пьедестал.
За дело! Урожай поспел.
Затмилось солнце, пали звёзды,
И горы прочь сбежали с мест.
Луна, как кровь, слетели шторы
Небес, обозначая крест.
Семь ангелов трубят исправно.
Полк саранчи и Авадон
В её когорте главный;
Земля измята, как картон,
В пещерах – холод замогильный,
Деревья – слепки коромысел.
Восстал из бездны Ангел сильный,
Глаголя: «Время скрыло смысл».
Всё в лицемерье утопает,
Змеится, вьётся налегке;
И продают, и покупают
С позорной метой на руке.
Ошибся ты, создав Адама.
Он был лишь первый негодяй,

Кто телом убоявшись срама,
На мир сменял блаженный рай.
Кто вслед за мною не увлётся?
Вспомянь знакомы имена:
Иуда предал, Пётр отрёкся,
Сомненьем одержим Фома.
Осквернены столпы религий —
Надежда, Вера и Любовь.
Кругом – мой образ многоликий,
Над всем моя воздета бровь.
Мерцают свечи у хоругвей,
А в их сердцах – темным-темно.
Лгут, каясь, временем поруганы,
И вновь порока пьют вино.
Взгляни с небес на пир кровавый,
На тот вертеп, что ты создал.
Кого венчал ты горней славой,
Кого ты рьяно защищал?!
Ворвусь в тонкослоисты грены,
Твой игнорируя запрет,
Гарцуя в рупоре Вселенной:
«Виновны все! Спасенья нет!».
Возмездие – тотальная свобода,
Где попран совести закон.
Против Тебя стяну народы,
Духовный бой – Армагеддон!
Твоих коснулся я окраин —
Сразил Архангел Михаил.
Мессия, Ты меня подставил!
Вину Творца Ты мне пришил!
Вот я низвергнут чёрным клином,
Посажен на созвездий кол.
Чу! Остропламенным сапфиром
Сияет Твой престол.

1995 г.

Моление о чаше

«...я из чаши пил больше, чем по лицу стекло».

И. Бродский

Ты видишь,
ввысь простёртая рука
вздымает чашу,
в небесах тисненную.
В ней мутной рябью тают облака,
зарёю маковой
в кайме окровавленные.
Ты видишь,
Я в смятении приник
полоской базы
к световым колоннам.
Листва шуршит,
Твой созерцая лик,
прохладой насыщая
склоны, что уведут
Меня отсель
в туманный путь.
Томленья аметист
бросая в чашу,
Ты изучаешь
суть страданий. Мглист
простор земной...
Печали боль не краше.
Дна не видать
сосуда скитаний покаянных.
Сплавлены плоты
безгласых душ туда,
откуда вечность
вещей вкушает жмых.
Но не как Я
хочу – как Ты!

1995 г.

Радиоактивные дожди

Идут радиоактивные дожди
Над рытвинами рыхлых котлованов,
Над валиками рощевых диванов —
Идут радиоактивные дожди,
Внезапной дрожью каверзных нуклидов,
Цепной реакции конца не видно —
Идут радиоактивные дожди,
Врезаясь в разум зольною мозолью,
Мутируя сердца радонной толью, —
Идут радиоактивные дожди,
Врастая в сферу зверь-лучом зивертом,
Смежая альфа, гамма, бета... – контр Ом,
Идут радиоактивные дожди.
Над фабриками, брёвнами, травую,
Над зыбью лет и над моей душою
Идут радиоактивные дожди!

1995 г.

«Желчь дребезжащих звуков...»

Желчь дребезжащих звуков
жирной кромкой
заволокла нагорье ожиданий.
Прозрачной жизни
сверхчувствительная плёнка
проявлена ножами подсознания.
Не втиснуться, не выпрыгнуть, зажмурясь,
ни поперёк, ни вдоль,
ни сквозь, ни через.
Разжатые уста раздулись,
Глотая дёготь, а не вереск.

1995 г.

«Который раз я с болью замечаю...»

«Который раз я с болью замечаю,
Что всё безумно просто в этом мире.
Но совокупность действий усложняет
Банальное – два на два суть четыре.
Который раз я с болью замечаю,
Что выход расположен возле входа,
Но мы впотьмах всю залу обегаем,
Чтобы постичь кого-то или что-то,
Самих себя, увы, не постигая,
Скрипя, как звоном сдавленная нота.
Который раз я с болью замечаю,
Что, упуская шанс за шансом снова,
Мы лишь марионеточно киваем,
Усвоив смысл на мелководье слова.
В итоге я, подобно метроному,
Рассчитывая скользкий ритм событий,
Связав ряд наблюдений в аксиому,
Велосипедных вывел рой открытий», —
Об этом в монологе говорил,
В суставах разогрев озябшие колени,
Уткнувшись носом в круговерть чернил,
Генералиссимус собственной тени.

1995 г.

Гиперболический день

Гиперболический день
Разбудит ум, как гобой.
Иду – не вижу, где пень,
Где облака, где прибой.

Дум эбонитовый кол
Соединён с миражом.
Давлю утёсов подол,
А небосклон витражом.

Час бит и брит, как горбун,
Разоблачённый во лжи,
Комет цветущих колтун
Дрожь обратит в камыши.

Персидских саг кабала
Кадрит извилин кишлак.
И вместо мула мулла
Скулит, как резвый ишак.

В ногах я правду искал,
Но в глотке плюмбум нашёл.
Любой меня обскакал,
Но далеко не ушел.

Дихотомия тревог
Бомбит заученный ход.
Взор алебастром забит,
Увижу ль в омуте брод?

То летаргический сон
На бездорожье идей —
Катехизический слом,
Гиперболический день.

1995 г.

«Я оседлаю рыжехвостого кентавра...»

Я оседлаю рыжехвостого кентавра,
Чей резвый бег расцвечивает детство;
И развернусь на Проксиму Центавра,
Чтоб навестить систему по соседству.

Под Солнцем мне и тягостно, и скучно;
Оно всё желторотое и в пятнах...
К тому же по-цыплячьи равнодушно,
Изменчиво, по-женски, многократно.

Ну, а Центавр такой ли уж прекрасный?
А если звёздный дождь, и кварков шкварки
Разносит там вселенский вихрь опасный?
– Сменю немедля курс под млечной аркой!

Куда копыта прут – и взгляд направить,
Рассматривая Сириус или Вега...
Не всё ль равно, к какой звезде причалить?
Подальше от Земли – поближе к небу!

1995 г.

Толпа

Меня сто пальцев топырю гвоздят,
Царапая, царапая телесные черты.
Нетопыри, скрестив обочины, глядят,
Сжевав, сжевав бисквитные торты.
И лязгают, и топают к тому ж,
Запнув, запнув меня за горизонт.
И тычут, тычут кегли мощных туш
В ячейки нумерованных времён.

В прах сгиньте, составляющие пляж!
Хрипл скрип поклаж, свободна колея!
Не ваш, не ваш во снах,
Не вами вскормлен я!

1995 г.

Будь выше!

«Бог превьше всего»

Л. Бетховен

«Рулите вьше!»

Л. Н. Толстой

Будь выше мести и обмана:
Не ты судья, не ты пророк.
Ты только эхо – всхлип тумана
Невидимых эфирных строк.

Будь выше мелочности вздорной,
Депрессий выше и потерь.
Не проклинай в истоме чёрной,
Кем мучим ране и теперь.

Будь выше хитрых словопрений,
Кастратов мысли не кори;
И не выстраивай ступеней
Избитых истин попури.

Будь выше лени сладкодрёмной,
Тюленьих лавров берегись!
Как, сдавлен в бестелесной коме,
Восполнишь ты земную жизнь?!

Будь выше тягостных сомнений,
Что тянут на безволя дно.
Бери из многоликих мнений
Лишь сердцу близкое одно.

Будь выше лжи змеинойдной,
Опаснее Горгоны взгляд
Безжалостной и хищной правды,
Но выше будь её преград!

Будь выше боли, уз сансары!
Над тусклонднемъем воспари,
Отринув пирамиды славы,
Сыскав бессмертие в Любви.

1995г.

Зима

Дым и свет,
Иней...
Хрустящий снег.
Наводнение линий,
Леденение рек.
Синь и ширь,
Город...
Холодная тишь.
Заторможенный шорох,
Динамика крыш.

Взоры плыли
мимо
слепящей дали,
разжигая пожар
саблезубых теней.
Развожу терпеливо
алебастр
тёртых мыслей
на звоннице дней.
У дороги к закату
кристаллы
снежинок упали,
как на крылья Икара
солнцежалящий зверь.

Куст и россыпи,
Вечер...
Черненье ветвей.
Оконные свечи,
Толстостенная дверь.
Двор и дерево.
Голос...
Неожиданный трепет.
Вялодневный наркоз,
Оживлённый лепет.

1995 г.

«Бликуя беспрестанно отраженье...»

Бликуя беспрестанно отраженье,
Окраску вещи, но не форму изменяет.
А человек, дав мысли приложенье,
Как перемен в судьбе достичь, не знает.

1995 г.

«В жемчужной выси ангел светел...»

«Но жизнь я вижу в красном свете»

П. Верлен

В жемчужной выси ангел светел
Мелькнул и скрылся в цепях горных.
Да, жизнь я вижу в красном свете.
Но что есть красное на чёрном?

Искал я след его, но тесен
Был мне каньон хребтов просторных.
Да, жизнь я вижу в красном свете.
Но что есть красное на чёрном?

Лед вис на шее амулетом,
Вспоров кадык крылом узорным.
Да, жизнь я вижу в красном свете.
Но что есть красное на чёрном?

Кольчужит люстр рельефный ветер,
Рябит огонь ало-икорный.
Да, жизнь я вижу в красном свете.
Но что есть красное на чёрном?

1995 г.

Депрессия

Протяну у обвисшей
Жёлтой с зеленью хвои,
Ограждённой лампасами
Каменистых дорог,
Раскалённое бредом
Родников – каланхоэ
Лихорадки тропической строк.
Я бежал напрямик,
Ну, а вышло – петлял кренделями.
Думал, плыл по течению,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.